

КОНЕМАТКИ ИЗ ОЙРОТИИ

К концу войны лошадей на селе осталось мало. Лучших забирали на фронт, а стареющие, обессиленные тяжелой работой и бескормницей кобылы жеребились нечасто, а если и приносили жеребенка, то редко из этого заморыша вырастала стоящая лошадь.

Чтобы залатать эту прорванную войной прореху, пригнали в 1948 году из Горно - Алтайска тридцать ойротских кобыл. Это были мелкие, головастые, мохнатые лошадки с клочковатой гривой и толстой шеей. Мужики откровенно над ними потешались: "У нас собаки больше, а этих надо ребятишкам раздать - в лошадки играть". Но смех и шутки прекратились, когда попытались их запрячь. Дикие, истеричные, они с визгом, очередями били задом, бросались на землю, поднимались на дыбы и по-волчьи щелкали зубами.

Долго с ними бились. Пороли кнутами, рвали губы строгими удилами. Сломали несчетно оглобель и порвали сбруи. Приучили кое-как ходить в упряжке.

Пугались эти истерички всего: кур, собак, тряпки на плетне, поднятого над драбинами навильника, гогота гусей и даже бабочки, взлетевшей с колоска подорожника на обочине. А испугавшись, слепо, сломя голову неслись куда попало. Пара этих психопаток в приступе очередного такого испуга со всего маху врезалась головами прямо в середину рубленого амбара и замертво рухнула в обломки телеги. Одна оклемалась, а другая подрыгала ногами и успокоилась. Навсегда.

От двух из них мужики, намаявшись, отступились. Одну звали Тройка. На ляжке у нее клеймо - три вертикальные черты. Едва почувствовав на шее хомут, она пятилась, стараясь вытащить из него голову. Вперед - ни шагу! Другую называли Сучкой. Когда ее пытались запрячь, она неистово била передом и задом, дрожала, скалила зубы, начинала потеть и часто калилась, низко приседая. Отсюда и кличка.

На остальных худо-бедно работали. Крестьянину нужна лошадь надежная, спокойная, сильная, а не "ужимки и прыжки". А этих свирепые гунны и монголы веками под седло нудили, да их махан в медных котлах варили. Какой с них работник? Парни и мужики, намаявшись, яростно материли эту ордынскую скотину. Работа стоит, драгоценное время и силы на их выходы уходят.

"В целях обеспечения стабильного и планового прироста конского по-

головья и чтобы иметь достаточное конское тягло, общее собрание колхозников постановляет: построить конеферму и арендовать от госплемстанции настоящих жеребцов для улучшения роста и спокойствия конского поголовья".

Коневферму построили, а "маточным поголовьем" стали почти все ойротские кобылки. В просторных стойлах два элитных жеребца - орловец Парус и дончак Зигзаг. Они и крыли этих косматых злюк.

Мы, пацаны, очень любили наблюдать этот акт и всегда знали, в какой день и час это произойдет. Заранее занимали место на саях, собранных на лето в высокие штабеля.

Сначала готовили невесту, которая в охоте. Ее выводили и ставили в "станок". Конюх, маленький крепкий мужик, знаток лошадей, ловкий и бесстрашный наездник, выводил из конюшни жеребца. На сей раз это мощный, серый в яблоках орловец Парус. Высоко несет голову и хвост. Пританцовывая, идет боком, поджимая задние ноги. Исподлобья, сквозь челку смотрит

на суженую. Понюхал хвост кобылы, задрал башку, наморщил и выпятил верхнюю губу, обнажив широкие зубы. Потоптался, без усилия поднялся на дыбы и, прижав громадный член к брюху, пошел на кобылу. Крошка горбатится, семенит лохматыми ножками, подалась взад-вперед, но станок не пускает. Парус опустил на нее, накрыв с головой. Сел! Страстно всхрапывая, жеребец вежливо щупал пенисом под ее хвостом. Конюх услужливо отводил хвост лошади в сторону. Нашупав нужное, Парус ухватил ее зубами за космы и резко бросил круп вперед. Стон восхищения прошел по стайке мальчишек: "Саданул!". Кобылка коротко взвизгнула и замерла - дыхание перехватило. Парус часто-часто задергал крупом и замер. Перебрал ногами, попятился. Сошел. Поторкал передними ногами, нюхнул прижатый хвост кобылы и заржал раскатисто, вибрируя крутыми боками. Порядок! Балуюсь, попрыгал жеребенком, землю передним копытом подолбил и, подогнув колени, норовил лечь поваляться. Но конюх строго прикрикнул на него и увел в стойло. Да, никудышными работниками были эти дикарки, а вот мамашами оказались отличными. Всех своих жеребят-полукровок уберегли и вырастили. Волки обходили этих батыевых дочек стороной - затопчут. Угрозу они чуяли за версту, сбивались в тесную кучу и с грохотом, диким визгом и храпом скакали по кругу, держа жеребят в середине табуна.

Табунщик, очнувшись от дремы, подбрасывал в костер охапку сухого бурьяна, свистел, кричал и оглушительно щелкал бичом. Зверь такой канонады пугался, убирался восвояси и больше табун не беспокоил.

Детки уже много крупнее мамаш, спокойнее, послушнее. К недоуздку и к людям сосунками приучены, но внешне еще с косматинкой и комоватостью. Парус и рыжий дончак Зигзаг продолжали свою тяжелую, но приятную работу, включив в свой гарем и подросток женское потомство "в целях обеспечения стабильного и планового прироста конского поголовья".

Года через четыре их сменили гнедой рысак Хмель и першерон Глицерин. Такую лошадь в наших краях видели впервые. Громадные копыта, короткая крутая шея, широченный круп, а темно-серая шерсть коротка и шелковиста. Грива и хвост волнисты и мягки. Тяжеловоз! Был он смирен и добродушен. Пацанва усаживалась на его обширной спине птичьей стаей и вешалась на него гроздьями. Задабривая, таскали ему корочки, морковь и пучки зеленого гороха.

К семидесятым годам в нашем селе сложился свой, отличный от соседей, тип лошади. Больше серые и буланы, среднего роста, с широкой гру-

дью, крепкими, бочонками, копытами. Ладные, работающие. Но иногда, вдруг, без видимой причины, во время самой обычной работы, один из пары резко вскидывал голову и пялил глаза в ему одному видимую опасность. Напарник тарасился в ту же сторону; и, разом всхрапнув, они мчатся, не разбирая дороги, через плетни и канавы, дворы и огороды. Груз потерян, телега разбита. И стоят они где-нибудь в тупике или застряв в кустах. Они не виноваты. Это многовековая дикая кровь пра-пра... прабабок бьет им в голову, и вся недолгая цивилизация исчезает вмиг, и первобытная дикость несет их прочь от неведомой опасности. Но в цивилизованном мире далеко не ускачешь: или в тупик залетишь, или в канаве застрянешь, или за забор зацепишься.

Значит, надо успокоиться и ждать человека. Он выручит из беды. И еще одна примета от предков сохранилась. Нет-нет, да и замечаешь, как у вполне цивилизованного стригуна топорщится на лбу или холке вихор жестких, как степной ковыль, волос.

